

УДК 82-392

Федин А.В., доктор исторических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия);

Яненко Е.М., студент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

АРХЕТИП «ДИКОГО ЧЕЛОВЕКА» В ВОСПРИЯТИИ ЕВРОПЕЙЦАМИ КОРЕННЫХ АМЕРИКАНЦЕВ: ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ К РАННЕМУ НОВОМУ ВРЕМЕНИ

Открытие и освоение Америки в XV-XVIII вв. «архаизировало» сознание европейцев, пробудив в нем древние мифы и связанные с ними архетипы, в свою очередь влиявшие на восприятие и осмысление ими коренных жителей Нового света. В основе образа «дикаря» лежал древний архетип «дикого человека», ставший «alter ego» цивилизованного и культурного европейца. Активизация этого архетипа в результате освоения Америки окончательно сконструировала ту систему координат, дихотомии которой до сих пор определяют во многом западное мировоззрение: цивилизация и варварство, прогресс и регресс, истинная вера/идеология/наука и язычество/невежество. С этой точки зрения представляется интересным рассмотреть те формы, которые принимал архетип «дикаря» в различные эпохи контакта европейцев и американских индейцев, в данном случае – сравнить восприятие туземцев северо-востока Северной Америки (Вудленда) викингами в X-XI и французскими колонистами и миссионерами в XVI-XVIII вв. Стереотипы «варварства», «грубости», «похоти» и прочие антисоциальные качества были той основой, на которой началось непосредственное знакомство европейцев с коренными жителями Америки. При этом, по мере развития отношений, постижения туземной культуры и образа жизни рождалось новое восприятие «дикаря», сочетавшее в себе как изначальный негативизм, так и возникшие позитивные черты. Результатом стало появление своеобразных «гибридных» образов.

Ключевые слова: миф о Диком Человеке, дикарь, скрелинги, индейцы, исландские саги, освоение Северной Америки, Винланд, миссионерская деятельность, иезуиты.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-02-140-145

В работах, посвященных открытию и освоению Америки в XV-XVIII вв., уже достаточно давно утвердилась идея о том, что контакт с народами, ее населявшими и находившимися на более низких ступенях социально-экономического и политического развития, «архаизировал» сознание европейцев, пробудив в нем древние мифы и связанные с ними архетипы, в свою очередь влиявшие на восприятие и осмысление ими коренных жителей Нового света. [6, p. 229-249; 7, p. 389, 405-406; 12, p. 21; 11, p. 73; 4, с. 64-65 и далее] Образы «дикарей», «каннибалов», «гигантов» и проч. создавались и конкретизировались на протяжении всего колониального периода, обретая все новые религиозно-мифологические, морально-нравственные и научно-философские аспекты, но в основе этого титанического интеллектуального усилия западной цивилизации лежал изначальный архетип «дикого человека», ставший «alter ego» культурного европейца. Активизация этого архетипа в результате освоения Америки окончательно сконструировала ту систему координат, дихотомии которой до сих пор определяют во многом западное мировоззрение: цивилизация и варварство, прогресс и регресс, истинная вера/идеология и язычество/невежество. С этой точки

зрения представляется интересным рассмотреть те формы, которые принимал архетип «дикаря» в различные эпохи контакта европейцев и американских индейцев, в данном случае – сравнить восприятие туземцев восточного побережья Северной Америки викингами в X-XI и французскими колонистами в XVII-XVIII вв.

Миф о «Диком человеке из Леса» является общим для всех европейских народов, но особенно был популярен в северных и центральных регионах Европы. Он был известен как *Wildemann* во Фландрии и Германии, *woodhouse* в Англии, Ирландии и Шотландии, *l'homme sauvage* во Франции. В античном мире он действовал в различных мифах и легендах как *Pilosus*, *Orcus*, *Schrat* и *Ogre* или *Orcus*, а также в форме *homo sylvestris* или *homine agreste*, сатиров или фавнов. Особенно популярным этот образ стал в XIV в. и оставался таковым на протяжении всего Ренессанса. Под воздействием христианства «дикий человек» представал как персонификация антихристианских моральных идеалов, воплощением грубой чувственности и разнузданности. Обычно он изображался с телом и лицом, полностью покрытыми волосами, и эта косматость символизировала огромную силу, которая

также проявлялась в ношении тяжелой дубины или даже вырванного дерева. Неспособный на членораздельную речь, он избегал людей и был лишен знания Бога, верные признаки того, что он не обладал или не умел пользоваться разумом. При этом, он был глубоко знаком с тайнами природы, которыми он иногда делился с крестьянами; время от времени он стерег их скот или исцелял раненного рыцаря травами. Но его самыми близкими партнерами были медведи и бесы; неспособный справиться со своими страстями, он нападал на одиноких женщин в лесу. [5, р. 1-33]

Большинство европейцев, прибывших в Новый Свет, вероятно, имело представление о Диком Человеке. Собственно, с самого начала европейцы сравнивали индейцев с Дикими Людьми, что отразилось в самом термине «дикарь» или его эквивалентах. Самые ранние описания североамериканских индейцев появляются в средневековых скандинавских сагах в образе «скрелингов», и эти описания демонстрируют влияние этого архетипа «дикого человека». Скрелингами викинги X в. называли эскимосов Гренландии и индейцев восточного побережья Северной Америки (Винланда), не проводя между ними никаких различий. Этимология слова «скрелин» (исл. skrzlingi) не совсем понятна, ряд ученых-филологов переводят его примерно следующим образом: «бродяги», «уроды», «одетые в шкуры», «слабцы» или «заморыши». В современном исландском языке оно означает «дикарь», «варвар».

«Сага о гренландцах» и «Сага об Эйрике Рыжем» содержат наибольшее количество сообщений об американских туземцах, которые предстают в них опасными, хоть и трусливыми, соседями: «Карлсефни и его люди поняли теперь, что, хотя земли здесь отличные для поселения, жизнь на них будет всегда небезопасна и тревожна из-за туземцев». [1, с. 124] Несколько стычек со скрелингами дали представление викингам об их воинах и их вооружении, описание которых содержит пассажи, связанные с силой и свирепостью, не делающей разбора между своими и чужими: «Завязалось сражение, и много скрелингов было убито. Среди них выделялся один, он был рослый и красивый, и Карлсефни решил, что это, наверно, их вождь». Оружие аборигенов было под стать их силе: «какой-то скрелинг поднял с земли секиру, осмотрел ее, а потом замахнулся ею на одного из своих и ударил». [1, с. 101] Секира в этом пассаже явно

является аналогом традиционной дубины «дикого человека» европейских лесов.

При этом, в сагах американские индейцы представлены весьма трусливыми созданиями, страх которых был продиктован, скорее, инстинктивными импульсами, нежели разумными основаниями: «скрелинги постреляли в них недолго, но потом обратились в поспешное бегство». [1, с. 95] Комичной представлена сцена бегства скрелингов от скота: «Поблизости пасся скот, и бык начал грозно мычать и реветь. Скрелинги испугались и бросились со своей кладью». [1, с. 99]

Путешественники в Америку раннего Нового времени во многом отражали те же стереотипические черты в своих описаниях индейцев. Колумб, сообщая в своем знаменитом письме испанским монархам о открытых им островах, описывал их жителей в терминах мифа о «диком человеке»: «Люди на сем острове... ходят совершенно голые, в чем мать родила, и мужчины и женщины. У здешних жителей нет ни железа, ни стали, ни оружия. ...Они рослы и статны, только на редкость боязливы. Они весьма бесхитроостны и... щедро делятся всем своим добром, ...как скоты неразумные, отдавая все, что имеют. ...И говорят, они едят человечину. Они отличаются свирепостью». При этом, подчеркивается, что «они самые трусливые люди на земле» [3, с. 1130-1132].

Следуя архетипу, саги изображают индейцев косматыми, в том числе с волосами на лице, хотя такая растительность совсем не свойственна аборигенам Америки: «Там им встретилось пять скрелингов — бородатый мужчина, две женщины и двое детей». [1, с. 125] Точно так же, с XVI в. в Европе утвердилось мнение, что американские туземцы косматы, несмотря на постоянные опровержения со стороны очевидцев — путешественников, чиновников, миссионеров.

Так, французский путешественник А. Теве в 1557 г. в главе своего труда, посвященного Америке, названной «Против мнения тех, кто полагает, что Дикари являются волосатыми», утверждал, что это совершенно неверно и индейцы очень заботятся, чтобы удалить все волосы со своего тела. [15, р. 151-155] Теве считал, что эта ошибка могла возникнуть в результате принятия европейцами мехов или перьев индейцев за волосы. Эта цепь рассуждений была также повторена М. Лекарбо в отношении канадских индейцев. [9, р. 200] Реколлектский

миссионер Габриель Сагар, посетивший Гуронию в 1623-1624 гг., отметил, что «наши дикари не являются столь уж волосатыми, как некоторые могут подумать». [13, p. 138] «Нет никакого повода думать о них как о наполовину зверях, косматых, черных и отвратительных», утверждал иезуитский миссионер Ж. Брессани. [14, vol. XIII, p. 257] Поколение спустя то же самое утверждение еще оставалось актуальным: «Гуроны не имеют ни меха, ни уродств, как художники капризно представляют их, и за исключением их длинных волос и оливковых кож, большинство из них выглядит также как люди Европы». [10, vol. V, p. 280] На рубеже XVII-XVIII вв. французский путешественник Ляонтан вновь подтверждал это: «Те, кто представляет Дикарей столь же волосатыми как медведи, никогда не видели их», хотя тут же называет индейцев «настоящими сатирами и фавнами, истинными жителями леса», привыкшими «прыгать с камня на камень, будучи исколотыми ежевикой и подлеском, ибо они носятся сквозь тернии и чащи как будто среди полей и лугов». [8, vol. II, p. 95; vol. I, p. 47] Далеко не последний пример того, как переплетаются стереотипы и реальные факты.

В Ренессансной Франции преобладала комическая сторона *l'homme sauvage*, и он стал идентифицироваться с Хеллекином (Арлекином), лидером Дикой Орды или Дикой Охоты. [5, p. 65] Первое воскресенье Великого поста называли «*lou dimanche dei Salvagi*», воскресеньем Дикарей, которое молодежь праздновала, «подражая Сатирам». [16, vol. I, p. 923] Эта ассоциация не замедлила проявиться, когда иезуит Поль Лежён, встретившись с первыми американскими туземцами с окрашенными лицами в Тадуссаке в 1632 г., записал: «я видел такие маски, с которыми бегали во Франции во время карнавала». [14, vol. V, p. 23]

Важным аспектом представлений о «дикаре», разделявшимся как средневековыми викингами, так и европейскими путешественниками в Северной Америке Нового времени, была идея преодоления туземцами своей дикой природы, причем и для первых, и для вторых единственным условием этого было принятие истинной веры – христианской религии.

«Сага о названных братьях» повествует о событиях начала XI в., когда скрелинги-гренландцы уже были вовлечены в процесс христианизации, однако языче-

ские пережитки прошлого продолжали занимать свою нишу в быту местного населения: «и хотя людей тогда называли христианами, все же в то время христианство было молодым и очень неладным, ибо много искр язычества тлело под ним и ложные обычаи были в ходу». [2, с. 120] Присутствующий в саге эпизод с Гамли и Гримой, гренландцами, принявшими христианство, демонстрирует новые аспекты, до тех пор несвойственные в описаниях туземцев: «Гамли был бывалый охотник. Он был женат, и жена его звалась Грима; это была женщина сурового нрава, искусная во всем. Она была хорошей врачеей и ведала древние обычаи. Гамли и Грима редко встречались с другими людьми, и люди редко их навещали». [2, с. 184] Супруги добродушно отзываются на просьбу поселенцев-скандинавов, согласившись укрывать в своем хуторе раненого Тормонда. Причем Грима берется его выхаживать, а Гамли позволяет ему скрываться достаточно долгое время. [2, с. 185] Также отмечается сохранение ими следов древнего язычества: «Грима все еще не оставила древнюю веру, раз на спинке ее стула вырезан истукан Тора». [2, с. 188] Таким образом, возникает корреляция между религиозным и морально-нравственным состоянием «дикарей»: Грима и Гамли сочетают язычество и христианство точно так же, как сочетают положительные аспекты своего образа жизни (искусность в ремесле, лекарском или охотничьем, гостеприимство) и отрицательные (нелюдимость, близость к природе и ее тайнам).

Аналогичным образом развивалась эволюция представлений об американских «дикарях» и у французских иезуитов в Новой Франции в течение XVII в.: от однозначно негативных характеристик периода раннего контакта к подчас восторженным оценкам благородства и истинного благочестия к концу столетия.

Так, первый иезуитский миссионер в Акадии отец Пьер Бьяр оценивал «дикарей» в решительно отрицательных терминах: «Нация эта дикая, бродячая и полная дурных привычек. Они... скрываются в лесу, без смысла, без закона и в грубости: как люди они... чрезвычайно ленивы, ненасытны, богохульны, ненадежны, жестоки в своей мести, и привержены всем видам разврата. При всех этих недостатках, они чрезвычайно тщеславны». [14, vol. I,

р. 173-175] Уже к середине XVII в. настоятель Гуронской миссии Жан де Бребёф увидел у гуронов «пока еще только естественный свет», что уже предполагало отказ от безапелляционного подхода к природному, «естественному» человеку, «дикарю» как безвозвратно падшему и неспособному к совершенствованию. В отличие от Бьяра, Бребёф готов признать наличие нравственного благородства у дикарей — «сияющие среди них некоторые благородные моральные добродетели», и, прежде всего, «любовь и союз» среди них и гостеприимство к чужакам, «честность и благопристойность», а также спокойствие и твердость гуронов перед лицом смерти. И «на таких склонностях и основах... мы надеемся... построить здание христианской Религии среди этих людей». [14, vol. VIII, p. 129-131, 163-167; vol. X, p. 17] Последний настоятель этой миссии Поль Рагено отзывается о своих подопечных еще более благожелательно: «Дикари не настолько дики, как считают во Франции; и я могу заверить, что интеллект многих ни в чем не уступает нашему. Я признаю, что их обычаи и их естественные тенденции чрезвычайно отвратительны, — по крайней мере, для тех, кто не привык к ним, и кто отклоняет их слишком быстро, не узнав их достаточно. Но... вера, входя в разум варвара, исправляет в нем все порочное, и дает ему чувства разума и благодарности, которую испытывают те, кто рождается в Христианстве... Хотя они живут в лесу, они, тем не менее, люди». [14, vol. XXIX, p. 281-283]

Здесь хорошо заметен новый аспект оценки дикаря у канадских иезуитов: его варварство может смениться цивилизацией, но главным условием этой трансформации является принятие христианской веры. «Благодать сильнее, чем природа», заявлял Лежён в 1639 г. [14, vol. XVI, p. 83] Новообращенные «отвергли природу... и чувствуют только ужас перед земными удовольствиями», — вторит ему второй настоятель Гуронской миссии Жером Лалеман. [14, vol. XXVIII, p. 65] Именно в крещении

иезуиты увидели путь к нравственному и культурному совершенствованию дикаря.

Среди миссионеров все больше укреплялось мнение, что американские индейцы по природе своей способны и к пониманию истин веры, и, соответственно, к спасению. «Они почти все показывают больше интеллекта в своих делах, речах,... общении, уловках и тонкостях, чем проникательнейшие из граждан и коммерсантов во Франции», — утверждал иезуит Дюперон, говоря о гуронах. [14, vol. XV, p. 157] Более того, стало формироваться представление о них как о носителях большего морального и интеллектуального потенциала, чем анемичная, потерявшая веру Европа. Тем самым закладывалась будущая традиция противопоставления «благородной дикости» и «безнравственной цивилизации», которая и определила сущностные характеристики Благородного Дикаря в эпоху романтизма.

Итак, архетип «дикого человека» определял формирование образа американского «дикаря», как в раннем Средневековье, так и в раннее Новое время. Устойчивые стереотипы «варварства», «грубости», «похоти» и прочие антисоциальные качества были той основой, на которой началось непосредственное знакомство европейцев с коренными жителями Америки. При этом, межкультурный и межличностный контакты неизбежно внесли коррективы в эти представления: по мере развития отношений (торговых, политических, религиозных), постижения туземной культуры и образа жизни рождалось новое восприятие «дикаря», сочетавшее в себе как изначальный негативизм, так и возникшие позитивные черты. Для поздних скандинавских летописцев, как и для французских миссионеров второй половины XVII в., основой для такой ревизии стала христианизация аборигенов и принятие ими в той или иной степени аспектов европейской культуры. Результатом стало появление своеобразных «гибридных» образов, типа «благородного дикаря» эпохи Просвещения и романтизма.

Список литературы

1. Библиотека всемирной литературы. Т. 8. Исландские саги. Ирландский эпос. / Шлапоберская С. (ред.). М.: «Художественная литература», 1973. — 863 с.
2. Исландские саги / Пер. прозаич. текста с древнеисл. и общ. ред. А.В. Циммерлинга; Стихи в пер. Ф.Б. Успенского и А.В. Циммерлинга. М.: Языки русской культуры, 2000. — 648 с. — (Studia philologica)
3. Колумб Х. Письмо Христофора Колумба Изабелле и Фердинанду об открытии Индии от 15 февраля 1493 г. // Хрестоматия по истории международных отношений / Сост.

- Д. В. Кузнецов. В 5-ти книгах. [Электронный ресурс] Книга 2. Средние Века. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2013. С. 1130-1132.
4. Кофман А. Ф. Америка несбывшихся чудес. М.: ООО «Профобразование», 2001. С. 348.
 5. Bernheimer R. *Wild Men in the Middle Ages: A Study in Art, Sentiment, and Demonology*, Cambridge: Harvard University Press, 1952. P. 224.
 6. Eliade M. *Le mythe du bon sauvage ou les prestiges de l'origine // La nouvelle revue française*. 1955. P. 229-249.
 7. Hodgen M. T. *Early anthropology in the sixteenth and seventeenth centuries*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1971. P. 525.
 8. La Hontan L. A. *Voyages du baron de La Hontan dans l'Amérique Septentrionale: qui contiennent une relation des differens peuples qui y habitent; la nature de leur gouvernement; leur commerce, leurs coutumes, leur religion; & leur manière de faire la guerre: l'interet des François & des Anglois dans le commerce qu'ils font avec ces nations; l'avantage que l'Angleterre peut retirer de ce pays, étant en guerre avec la France: le tout enrichi de cartes & de figures*. T. 1-2. Amsterdam: Chez F. l'Honoré, 1705.
 9. Lescarbot M. *Nova Francia: or the Description of that part of New France, which is one continent with Virginia*. Translated by Pierre Erondelle. London: George Bishop, 1609. P. 307.
 10. Manesson-Mallet A. *Description de l'univers: contenant les differents systemes du monde, les cartes generales & particulieres de la geographie ancienne & moderne, les plans & les profils des principales villes & des autres lieux plus considerables de la Terre: avec les portraits des souverains qui y commandent, leurs blasons, titres & livrées: et les moeurs, religions, gouvernemens & divers habillemens de chaque nation*. T. 1-5. Francfort sur le Main: Chez Jean David Zunner, 1685.
 11. Moffitt J. F., Sebastien S. *O Brave New People: The European Invention of the American Indian*. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1996. P. 399.
 12. Pagden A. *European Encounters with the New World. From Renaissance to Romanticism*. New Haven and London: Yale University Press, 1993. P. 216.
 13. Sagard G. T. *The Long Journey to the Country of the Hurons*. Toronto: Champlain Society, 1939. P. 488.
 14. *The Jesuit Relations and Allied Documents, Travels and Exploration of the Jesuit Missionaries in New-France, 1610-1791 / ed. by Reuben Gold Thwaites*. 71 vols. Cleveland: The Burrows Brothers Company, 1896-1901.
 15. Thevet A. *Les singularitez de la France antarctique*. Paris: Maisonneuve & Cie, 1878. P. 459.
 16. Van Gennep, Arnold. *Manuel de folklore français contemporain*. 4 vols. Paris: A. Picard, 1937-58.

«THE WILD MAN» ARCHETYPE AS PERCEIVED BY NATIVE AMERICANS BY EUROPEANS: FROM THE MIDDLE AGES TO THE EARLY MODERN AGE

The discovery and exploration of the Americas in the fifteenth and eighteenth centuries "archaised" the consciousness of Europeans, awakening ancient myths and archetypes associated with them, which in turn influenced their perception and understanding of the indigenous inhabitants of the New World. The image of the "savage" was based on the ancient archetype of the "wild man", which became the "alter ego" of civilized and cultured Europeans. The image of the "savage" was based on the ancient archetype of the "savage man", which became the "alter ego" of the civilized and cultural European. The activation of this archetype as a result of the exploration of America finally constructed a coordinate system whose dichotomies still largely determine the Western worldview: civilization and barbarism, progress and regress, true faith/ideology/science and paganism/ignorance. From this point of view, it is interesting to examine the forms that the "savage" archetype took at different times of contact between Europeans and American Indians, in this case comparing the perception of the natives of North East North America (Woodland) by Vikings in the 10th to 11th centuries and by French colonists and missionaries in the 16th to 18th centuries. Stereotypes of "barbarism", "rudeness", "lust" and other anti-social qualities were the basis on which Europeans began to have direct contact with the Native Americans. At the same time, as relations developed and native cultures and ways of life were understood, a new perception of the "savage" was born, combining both the initial negativism and the positive traits that emerged. The result was the emergence of peculiar "hybrid" images.

Keywords: Wild Man myth, savage, skraeling, Indians, Icelandic sagas, exploration of North America, Vinland, missionary activity, Jesuits.

References

1. Biblioteka vsemirnoj literatury. (1973) T. 8. Islandskie sagi. Irlandskij epos. / Shlapoberskaya S. (red.). M.: «Hudozhestvennaya literatura», 1973. – 863 s. [Library of World Literature. Vol. 8. Icelandic Sagas. The Irish epic. / Shlapoberskaya S. (ed.). M.: "Fiction". – 863 p.]

2. *Islandskie sagi* (2000) / Per. prozaich. teksta s drevneisl. i obshch. red. A.V. Cimmerlinga; Stihy v per. F.B. Uspenskogo i A.V. Cimmerlinga. M.: YAzyki russkoj kul'tury. – 648 s. – (Studia philologica) [Icelandic sagas / Trans. prose. text from the ancient text. and the general editorship of A.V. Zimmerling; Poems in the lane of F.B. Uspensky and A.V. Zimmerling. M.: Languages of Russian culture. – 648 p. – (Studia philologica)]
3. Kolumb H. (2013) *Pis'mo Hristofora Kolumba Izabelle i Ferdinandu ob otkrytii Indii ot 15 fevralya 1493 g.* // *Hrestomatiya po istorii mezhdunarodnyh otnoshenij* / Sost. D. V. Kuznecov. V 5-ti knigah. [Elektronnyj resurs] Kniga 2. Srednie Veka. Blagoveshchensk: Blagoveshchenskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet. S. 1130-1132. [Columbus H. Letter of Christopher Columbus to Isabella and Ferdinand about the discovery of India dated February 15, 1493 // Anthology on the history of international relations / Comp. D. V. Kuznetsov. In 5 books. [Electronic resource] Book 2. The Middle Ages. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University. pp. 1130-1132.]
4. Kofman A. F. (2001) *Amerika nesbyvshihya chudes.* M.: OOO «Profobrazovanie», 2001. S. 348. [Kofman A. F. America of unfulfilled miracles. Moscow: LLC "Vocational education". p. 348.]
5. Bernheimer R. (1952) *Wild Men in the Middle Ages: A Study in Art, Sentiment, and Demonology*, Cambridge: Harvard University Press. P. 224.
6. Eliade M. (1955) *Le mythe du bon sauvage ou les prestiges de l'origine* // *La nouvelle revue franzaise*. P. 229-249.
7. Hodgen M. T. (1971) *Early anthropology in the sixteenth and seventeenth centuries.* Philadelphia: University of Pennsylvania Press. P. 525.
8. La Hontan L. A. (1705) *Voyages du baron de La Hontan dans l'Amérique Septentrionale: qui contiennent une rĭlation des differens peuples qui y habitent; la nature de leur gouvernement; leur commerce, leurs соытumes, leur religion; & leur maniĭre de faire la guerre: l'interkt des Franzois & des Anglois dans le commerce qu'ils font avec ces nations; l'avantage que l'Angleterre peut retirer de ce paps, ĭtant en guerre avec la France: le tout enrichi de cartes & de figures.* T. 1-2. Amsterdam: Chez F. l'Honorĭ.
9. Lescarbot M. (1609) *Nova Francia: or the Description of that part of New France, which is one continent with Virginia.* Translated by Pierre Erondelle. London: George Bishop. P. 307.
10. Manesson-Mallet A. (1685) *Description de l'univers: contenant les differents systemes du monde, les cartes generales & particulieres de la geographie ancienne & moderne, les plans & les profils des principales villes & des autres lieux plus considerables de la Terre: avec les portraits des souverains qui y commandent, leurs blasons, titres & livrĭes: et les moeurs, religions, gouvernemens & divers habillemens de chaque nation.* T. 1-5. Francfourt sur le Main: Chez Jean David Zunner.
11. Moffitt J. F., Sebastien S. O. (1996) *Brave New People: The European Invention of the American Indian.* Albuquerque: University of New Mexico Press. P. 399.
12. Pagden A. (1993) *European Encounters with the New World. From Renaissance to Romanticism.* New Haven and London: Yale University Press. P. 216.
13. Sagard G. T. (1939) *The Long Journey to the Country of the Hurons.* Toronto: Champlain Society. P. 488.
14. *The Jesuit Relations and Allied Documents, Travels and Exploration of the Jesuit Missionaries in New-France, 1610-1791 (1896-1901)* / ed. by Reuben Gold Thwaites. 71 vols. Cleveland: The Burrows Brothers Company,
15. Thevet A. (1878) *Les singularitez de la France antarctique.* Paris: Maisonneuve & Cie. P. 459.
16. Van Gennep, Arnold. (1937) *Manuel de folklore franzaiz contemporain.* 4 vols. Paris: A. Picard, 1937-58.

Об авторах

Федин Андрей Валентинович – доктор исторических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), e-mail: avfedin@yandex.ru
Яненко Екатерина Михайловна – студент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), e-mail: dekun.ekaterina@yandex.ru

Fedin Andrey Valentinovich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Bryansk State University named after Academician I. G. Petrovsky (Russia), e-mail: avfedin@yandex.ru
Yanenko Ekaterina Mikhailovna – student, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), e-mail: dekun.ekaterina@yandex.ru